

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
Институт восточных рукописей  
(Азиатский Музей)



# MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXIII • 2020 • № 2

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

**Посвящается 300-летию открытия тюркской  
рунической письменности**

191186. Санкт-Петербург,  
Дворцовая наб., д. 18  
Тел.: +7 (812) 315-87-28  
<http://orientalstudies.ru>  
[mongolica@orientalstudies.ru](mailto:mongolica@orientalstudies.ru)  
[kulgan@inbox.ru](mailto:kulgan@inbox.ru)  
[dnosov@mail.ru](mailto:dnosov@mail.ru)

Регистрационный номер  
и дата принятия решения  
о регистрации в Федеральной  
службе по надзору в сфере  
связи, информационных  
технологий и массовых  
коммуникаций (Роскомнадзор):  
ПИ № ФС77-79202  
от 22 сентября 2020 г.

## Редакционная коллегия:

- И. В. Кульганек, *главный редактор,  
доктор филологических наук (Россия)*  
Д. А. Носов, *секретарь, кандидат филологических наук  
(Россия)*  
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*  
А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*  
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*  
В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*  
М. А. Козинцев, *помощник секретаря (Россия)*  
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*  
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*  
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*  
Р. Поп, *доктор наук (Румыния)*  
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук,  
профессор (Россия)*  
С. Чулуун, *доктор исторических наук, профессор  
(Монголия)*  
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*  
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Выпускающие редакторы номера:

*М. А. Козинцев (ИВР РАН), И. В. Кормушин (ИЯ РАН)*

Оригинал-макет изготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

Литературный редактор и корректор — *Т. Г. Бугакова*

Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2

*e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: http://www.pvost.org*

Подписано в печать 01.12.2020

Формат 60×90<sup>1</sup>/<sub>8</sub>. Объем 13<sup>3</sup>/<sub>4</sub> печ. л. Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»,

Санкт-Петербург. 4-я линия В. О., д. 5. *e-mail: editor@isvoe.ru*

ISSN 2311-5939  
DOI 10.25882/sqn6-ky22

© Институт восточных рукописей РАН  
(Азиатский Музей), 2020  
© Коллектив авторов, 2020

## В НОМЕРЕ:

|  |   |
|--|---|
| Слово о Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР и <i>лоивановцах</i> (Т. И. Султанов) . . . . . | 5 |
|--|---|

## ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

|  |    |
|--|----|
| Т. К. Абдиев, К. Ш. Табалдиев. Новые находки: тюркские рунические надписи на хуме и балбале  | 8  |
| Т. А. Аникеева. Вольфрам Эберхард и тюркология: о неопубликованном исследовании В. Эберхарда по тюркскому эпосу. . . . .                           | 14 |
| М. Е. Dubrovina. Graphemes for vowel expression in the ancient turkic runic script. . . . .  | 20 |
| Д. Коç, К. Yıldırım. The Word 'Tatar' in Various Forms in Chinese Sources . . . . .  | 23 |
| И. В. Кормушин. Язык орхонских и других рунических памятников как древнетюркское литературное койне смешанного уйгуро-огузского характера. . . . . | 26 |
| А. А. Туранская. "Uigurische Sprachdenkmäler" В. В. Радлова: конкорданс . . . . .  | 30 |
| Ф. Г. Хисамитдинова. С. Г. Кляшторный и представления башкир о божествах и божественных силах Нижнего мира . . . . .                               | 39 |
| А. Ш. Юсупова. Учебные словари татарского языка XIX в. . . . .   | 44 |
| Т. И. Юсупова. Научные командировки российских востоковедов в Турцию, 1920–1930-е годы: цели и результаты . . . . .                                | 49 |

## МОНГОЛОВЕДЕНИЕ: ФИЛОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ

|   |    |
|---|----|
| Л. С. Дампилова, Д. Наранцэцэг. Символический язык шаманских песнопений бурят России и Монголии. . . . .  | 54 |
| Ю. И. Дробышев. Образ Чингис-хана в средневековых европейских источниках . . . . .                        | 59 |
| А. Мөнх-Оргил. Романтизм в творчестве монгольского писателя и драматурга Л. Вангана (1920–1968) . . . . . | 71 |
| Д. А. Носов, Сэцэнбат. Сказки о Мастере-Аргачи на просторах Центральной Азии . . . . .                    | 76 |
| В. З. Церенов. Изображение ворона на шлеме Хонгора, героя эпоса «Джангар» . . . . .                       | 82 |

## СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

|   |    |
|---|----|
| Ю. А. Боев. О переводах тайской литературы в СССР и России . . . . .  | 89 |
| О. В. Лундышева. Фрагмент связанного с грешными деяниями Девадатты древнеуйгурского текста из коллекции ИВР РАН . . . . . | 98 |

## РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

|  |     |
|--|-----|
| И. Арванити, Ю. В. Кузьмин. Рец. на: <i>Полянская О. Н.</i> Монголоведение в России первой половины XIX века: О. М. Ковалевский и А. В. Попов. Улан-Удэ: Изд-во Бур. ун-та, 2019. 321 с. . . . .   | 106 |
| Т. Д. Скрынникова. Рец. на: <i>Байпаков К. М., Ерофеева И. В., Казизов Е. С., Ямпольская Н. В.</i> Буддийский монастырь Аблай-хит / науч. ред. Д. А. Воякин. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2019. 400 с., ил. ISBN 978-601-7253-19-6. . . . . | 107 |
| Ж. М. Юша. Фольклорные традиции бурят Китая. Рец. на: <i>Цыбикова Б-Х. Б.</i> Фольклор шэнэханских бурят / отв. ред. Л. С. Дампилова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 312 с. . . . .  | 108 |

Ю. И. Дробышев

## Образ Чингис-хана в средневековых европейских источниках

DOI 10.25882/ptr6-0v91

© Ю. И. Дробышев, 2020

В статье обсуждается отражение образа Чингис-хана в средневековых европейских источниках: официальной и частной переписке, отчетах миссий, исторических сочинениях. По-видимому, никто из европейцев Чингис-хана не видел, поэтому вся информация о нем была получена из вторых рук. Его образ трансформировался в сознании жителей Запада: до появления монголов в Европе он представлялся христианским царем Индии, в середине XIII в. — разбойником и даже Антихристом, а на рубеже XIII и XIV вв. превратился в мудрого, успешного лидера. Чингис-хан был также известен европейцам как провидец и законодатель. Достигли Европы и легенды о передаче ему небесными посланцами власти над всеми народами. В целом, европейская средневековая историография доносит до нас негативный образ этого человека.

**Ключевые слова:** Чингис-хан, Европа, источники.

**Дробышев Юлий Иванович** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел истории Востока, Институт востоковедения РАН (Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, 12).  
altanus@mail.ru

Сегодня едва ли найдется на нашей планете человек, который не слышал бы что-либо о Чингис-хане (1162?–1227). Однако в XIII в. его известность была далеко не такой широкой, а представления о нем отличались неполнотой, фантастичностью и противоречивостью. Боготворимый своими соратниками, он порой представлялся исчадием ада народам, попавшим под монгольский удар. Сам Чингис-хан не доходил в военных походах до Европы, но информация о нем достигла практически всех государств субконтинента, и было бы ошибкой думать, что там его образ характеризовался только отрицательно. Как обычно, реальность оказалась сложнее. Не претендуя на исчерпывающий охват мнений о Чингис-хане, бытовавших в средневековой Европе, обсудим, каким он представлялся просвещенным европейцам эпохи монгольских завоеваний.

Первые слухи о человеке, которого европейцы посчитали христианским царем Индии Давидом, но который на деле оказался предводителем непобедимой армии кочевников Чингис-ханом, дошли до участников Пятого крестового похода в самом начале 1221 г., когда в руки крестоносцев попало пророчество, которое вдохновитель похода августинский монах и историк Жак де Витри (ок. 1180–1240) называет «Откровениями святого апостола Петра, собранными в одной книге его учеником Климентом». Текст, по-видимому, принадлежал проживавшему в Багдаде несторианину и включал сообщение о про-

движении на запад христианского войска царя Давида. Доклад об этом был послан в Рим папским легатом Пелагием. Сам доклад не сохранился, но его содержание известно благодаря циркулярному письму папы Гонория III (1216–1227) от 13 марта 1221 г., которое ныне считается самым ранним свидетельством западной монгольской экспансии. Латинский мир воспринял в надежде, что его единоверцы из глубин Азии спешат на помощь в освобождении Святой Земли от гнета «сарацин», но уже летом того же года крестоносцы потерпели поражение от египетского султана аль-Камиля (1218–1238) и были вынуждены заключить мир. На этом Пятый крестовый поход завершился, встреча крестоносцев с «царем Давидом» не состоялась [Klopprogge, 1993. С. 105–152; Хаутала, 2014а. С. 25–49; 2014б. С. 110–122], а шесть лет спустя умер Чингис-хан.

Сведений, что кто-либо из европейцев лично видел Чингис-хана, нет, хотя теоретически это было возможно: во владениях хорезмшаха, разоренных монголами в 1219–1221 гг., могли находиться европейские пленники или искатели приключений. С большей вероятностью можно говорить, что европейские послы видели его статую и даже были обязаны совершить ей поклон. Францисканский монах из Польши, известный как Ц. де Бридиа, в своей сокращенной версии отчета Бенедикта Поляка, спутника Платно Карпини (ок. 1182–1252), кратко описал этот образ:

Когда-то они сделали идола Чингис-кана, который они устанавливают перед юртой всякого [правящего] кана и приносят ему дары. Кони же, принесенные ему в дар, в дальнейшем не используются для езды. Также животных, которых они убивают для употребления в пищу, сначала предлагают ему, то есть идолу, [и] кости животного не ломают. Этому же идолу кланяются на юг, словно Богу, и к этому же многим принуждают, в особенности покоренную знать [Христианский мир, 2002. С. 116].

Отказ от поклонения мог стоить человеку жизни, как сообщает тот же Ц. де Бридиа, подтверждающий известные из русских летописей обстоятельства казни Михаила Черниговского в ставке Бату осенью 1246 г.:

Поэтому недавно случилось так, что правитель Михаил, из великих князей Руси, когда он подчинился их власти и не захотел названному идолу кланяться, говоря, что это не дозволено христианам, и когда он упорно настаивал на [непоколебимости своей] веры в Христа, было приказано бить его пяткой ноги в грудь до смерти. И когда его воин поощрял к стойкости в мученичестве, то ему перерезали горло ножом, а воину, который поощрял, отсекали голову [Христианский мир, 2002. С. 116–117; Плано Карпини, 1997. С. 35–36].

К сожалению, никто из видевших эту статую не оставил ее описания.

Вообще, описание внешности и поведения Чингис-хана в средневековой литературе встречается довольно редко. Пожалуй, чаще всего исследователи цитируют персидского историка Джузджани (ок. 1193 — после 1263), бежавшего от монгольского погрома в Индию и там составившего компилятивный труд «Насировы разряды»:

Заслуживающие доверия люди рассказывают, что когда Чингис-хан пришел в Хорасан, ему было 65 лет, он был высокого роста, крепкого телосложения, с редкими седеющими волосами на лице и кошачьими глазами, обладал большой энергией, проникательностью, одаренностью и пониманием, мясник, вызывающий страх, справедливый, решительный, ниспровергатель врагов, бесстрашный, кровавый и жестокий [Tabakat-i-Nasiri, 1899. С. 1077]<sup>1</sup>.

В другом месте автор перечисляет положительные качества Чингис-хана, которыми он обладал в молодости: мужественность, энергичность, доблесть, бесстрашие [Tabakat-i-Nasiri, 1899. С. 944]. Надо отдать Джузджани должное — несмотря на свою нескрываемую ненависть к монголам и их вождям, он все-таки не умолчал и о позитивных чертах Чингиса, и можно полагать, что нарисованный им портрет более объективен, чем вышедший из-под калама при-

дворного историка и вазира ильханов Рашид ад-Дина (1247–1318) или тоже служившего монголам Ала ад-Дина Ата-Малика Джувейни (1226–1283).

Сходную характеристику дал монгольскому самодержцу глава южносунского посольства Чжао Хун, побывавший в 1221 г. в ставке полководца Мухали, который замещал своего хана в Северном Китае. Чингис-хан в это время находился в Западном походе, ввиду чего китайский дипломат также был вынужден записать то, что услышал от других:

Что касается татарского владетеля Тэмоджина<sup>2</sup>, то он высокого и величественного роста, с обширным лбом и длинной бородой. Личность воинственная и сильная. <...> Этот человек мужествен, решителен, выдержан, снисходителен ко всем, почитает Небо и Землю, ценит доверие и справедливость [Мэн-да бэй-лу, 1975. С. 48, 49].

Первое из сохранившихся до наших дней европейских упоминаний Чингис-хана встречается в форме «Гургутам» (Gurgutam)<sup>3</sup> в «Письме об образе жизни тартар» доминиканского миссионера Юлиана, ходившего в 1235–1236 и 1237 гг. на поиски своей прародины — «Великой Венгрии». Письмо составлено в начале 1238 г. Содержащиеся в нем крайне путанные сведения вошли в целый ряд синхронных латинских источников. В своем втором путешествии Юлиан дошел только до Рязанского княжества, где видел задержанных суздальским князем монгольских послов в Венгрию, но он не говорит о получении от них какой-либо информации о монголах и Чингис-хане. В изложении Юлиана, история ратных подвигов Гургутама началась с мести за свою сестру. Его образ выдержан в нейтральном тоне. Интерес представляет указание венгерского миссионера на обстоятельства, при которых монгольский правитель загорелся идеей мирового господства:

Тогда Гургутам, вышеназванный предводитель тартар, почти повсюду полагавшийся на славные победы, выступил со всеми своими силами против персов по причине некоторых войн, которые ранее велись между ними. Где он одержал почетнейшую победу и полностью подчинил себе царство персов. Ободренный этим и считая себя самым сильным на земле, он стал выступать против царств с целью подчинить себе весь мир [Хаутала, 2015. С. 385].

Трудно быть уверенным в том, что Юлиан адекватно передал услышанное, но, так или иначе, никакие твердо установленные факты этому предположению не препятствуют.

Три года спустя монголы вторглись в Восточную Европу под началом чингисова внука Бату (1227–1256). Чингис-хана к тому времени уже не было в

<sup>1</sup> Следовательно, описание внешности и личных качеств Чингис-хана Джузджани приводит с чужих слов, поэтому Е. И. Кычанов ошибается, утверждая, что персидский автор видел его в Хорасане лично [Кычанов, 1995. С. 214].

<sup>2</sup> Китайский дипломат приводит личное имя Чингис-хана, под которым он был известен до провозглашения ханом в 1206 г.

<sup>3</sup> В других европейских источниках титул Чингиса также воспроизводится как Cescarcus, Ingischam, Tharsis, Zingiton.

живых, что и обусловило, очевидно, редкость упоминаний о нем в связи с этим событием. Впрочем, как будет показано ниже, европейцам он стал более известен как все еще живой, нежели мертвый. В 1245 г. папа римский Иннокентий IV (1243–1254) отправил на Восток францисканские и доминиканские миссии с целью выяснения дальнейших планов монголов и возможностей их крещения, в результате чего Плано Карпини дошел до Монголии, а Асцелин и Андре де Лонжюмо побывали на Ближнем Востоке. Французский король Людовик IX Святой (1226–1270) также послал к монголам своего представителя — Вильгельма Рубрука (ок. 1220 — ок. 1293). Добытая этими эмиссарами информация незаменима в изучении обычаев, военного дела, верований монголов эпохи завоеваний. Она включает легендарные и приближенные к действительности сведения о личности Чингис-хана и его деяниях.

Как образ монголов, так и образ Чингис-хана закономерно изменились на Западе в связи с поворотами взаимоотношений между странами Европы и монголами. По-видимому, Г. Г. Пиков несколько упрощает ситуацию, утверждая, что «в конечном итоге образ Чингисхана в европейском сознании проделал путь от Героя до Бандита» [Пиков, 2011. С. 74]. В этой трансформации не хватает, как минимум, эсхатологического звена, которое ученый неправомерно отрицает [Пиков, 2011. С. 75–76]. Более того, усилиями разных средневековых авторов могли параллельно возникать и существовать несколько взглядов на Чингис-хана. Ниже мы рассмотрим три основных образа великого монгола, сложившихся в Европе в середине XIII — начале XIV в., оставив за скобками его более раннюю личину «христианского царя».

1. *Разбойник, восставший против своего господина*. Скорее всего, подобное представление не родилось в головах европейцев, а возникло в степях. Сразу три надежных информатора повторяют версию о бандитском начале карьеры Чингис-хана — Плано Карпини, Ц. де Бридиа и Рубрук<sup>4</sup>. Плано Карпини, не имевший никаких мотивов исказить добытую в монгольских станах информацию<sup>5</sup>, изобразил Чингис-хана не просто вором, а учителем воровства:

В земле Йека-Монгал был некто, который назывался Чингис; он начал быть сильным ловцом перед Господом, ибо он научил людей воровать и грабить добычу. Далее, он ходил в другие земли и не оставлял пленять и присоединять к себе кого только мог, людей же своего народа он преклонил к себе, и они сле-

<sup>4</sup> Бросается в глаза, что точно такой же род деятельности приписывали молодому Тамерлану. Согласно свидетельствам некоторых из его современников (в объективности которых, впрочем, можно сомневаться), он сколотил разбойную шайку и промышлял угоном чужого скота [Клавихо, 1990. С. 104–105; Ибн Арабшах, 2009. С. 24–25].

<sup>5</sup> Тем не менее следует принимать во внимание вероятность последующей переработки отчета Плано Карпини именно в негативном по отношению к монголам ключе [Ostrowski, 1990. С. 522–550].

довали за ним, как за вождем, на все злодеяния [Плано Карпини, 1997. С. 43].

Францисканцу вторит его собрат по ордену Ц. де Бридиа:

И был же в этой [земле] некий муж из некоего знатного рода, но нравов жестоких, по имени Чингис, от которого тартары и повели [свое] начало. Он с малым [количеством] людей своих начал захватывать добычу. В конце концов, став более жестоким, он тайком захватывал людей и присоединял [их] к владычеству своего беззакония. И когда он собрал себе тридцать сообщников и впал в явное безумие, тогда он полностью подчинил своей власти всю землю, в которой он родился, то есть Моал. Сделав это, он, будучи нрава высокомерного, начал стремиться к большему [Христианский мир, 2002. С. 100].

Рубрук уточняет, что Чингис покушался конкретно на стада «Унк-хана», под именем которого скрывается, конечно, керейтский Ван-хан (Тоорил):

В то время в народе моалов был некий ремесленник Чингис; он воровал что мог из животных Унк-хана, так что пастухи Унка пожаловались своему господину. Тогда тот собрал войско и поехал в землю моалов, ища самого Чингиса, а тот убежал к татарам и там спрятался [Гильом де Рубрук, 1997. С. 114].

Знакомый с Рубруком лично английский естествоиспытатель и философ Роджер Бэкон (ок. 1214–1292) воспроизводит его рассказ без принципиальных изменений [Матузова, 1979. С. 217]. Доминиканский энциклопедист Винсент из Бове (1190–1264) в сочинении «Зерцало историческое» (*Speculum historiale*) вину за мятеж возлагает на царя Давида, чей гнет стал для «тартаров» невыносимым:

В это время один из них, по имени Чингис-кам, в их глазах самый мудрый и наиболее древнего рода, дал совет, чтобы они воспротивились приказу царя и единодушно восстали против него, а также против тех, что могли бы прийти [от него], и убили их (цит. по: [Юрченко, 2006. С. 45]).

Однако нарисованный Винсентом образ «мудрого и родовитого» Чингиса не столь положительный, как кажется на первый взгляд; далее ученый добавляет к нему немало черной краски.

Анализ европейских сведений о приходе Чингиса к власти позволяет полагать, что в качестве ключевого события чаще всего подается его конфликт с Ван-ханом. Вероятно, это произошло из-за легенды о пресвитере Иоанне, которому сначала приписывались победы Чингис-хана в Средней Азии и Хорасане. Созвучие имен Иоанна и Ван-хана, а также приверженность Ван-хана к христианству несторианского толка должны были, на наш взгляд, способствовать слиянию их образов и, как следствие, популярности в Европе сведений о непростых взаимоотношениях между Тэмучжином и Ван-ханом. Поэтому факты подчиненного положения Тэмучжина по отношению

к последнему и войны между ними, закончившейся победой Тэмучжина, приобрели широкую известность, но в сильно искаженном виде. Иногда в этих рассказах место пресвитера Иоанна занимает его отец Давид.

В какой мере данная информация важна для историка? По существу, она представляет собой довольно искаженный пересказ событий, уже известных из более надежных источников, и, казалось бы, не может помочь лучшему пониманию нюансов центральноазиатской истории рубежа XII и XIII вв., но это не совсем так. Обилие в европейской литературе сообщений о вражде этих кочевых вождей и финальной победе Чингиса подразумевает, надо полагать, значительное количество исходной информации, поступавшей дипломатическими и иными путями от монголов. Следовательно, в степях этим событиям придавали большое значение. Однако известно, что Ван-хан был не первым и не последним сильным противником Тэмучжина на его пути к подчинению всех кочевников: после гибели Ван-хана осенью 1203 г. оставался еще найманский Таянхан и побратим Тэмучжина Чжамуха, ставший его врагом. Интересно, что поистине драматическая дружба Тэмучжина и Чжамухи, освещенная в таких первостепенных источниках, как «Сокровенное сказание монголов» и «Сборник летописей» Рашид ад-Дина, не оставила в европейской историографии никакого следа. Откуда же столь пристальное внимание к Ван-хану? Возможно, решающее значение имела не его личность, а его положение в кочевом мире. Согласно весьма перспективной идее Л. Мунх-Эрдэнэ, керейтское ханство было хорошо развитой политией, обладавшей необходимыми признаками государства и послужившей моделью для Чингисхана, которому было принципиально важно занять место Ван-хана. Вот почему на курултае 1206 г. он обмолвился о некоем «высоком троне», добытом им в результате победы над вождем керейтов [Munkh-Erdene, 2011. С. 211–237; 2018. С. 39–84].

Для Европы, пережившей шок от первого знакомства с монголами в 1241–1242 гг., Чингисхан, конечно же, мог быть только воплощением зла. Например, в сочинении Фомы, архидиакона Сплитского (ок. 1200–1268), он — грубый варвар, вдохновлявшийся на завоевания бесами:

Видя, что судьба приносит ему удачу во всех войнах, он стал крайне чванливым и высокомерным. И, полагая, что в целом свете нет народа или страны, которые могли бы противиться его власти, он задумал получить от всех народов трофеи славы. Он желал доказать всему миру великую силу своей власти, доверяясь бесовским пророчествам, к которым он имел обыкновение обращаться [Фома Сплитский, 1997. С. 113].

Хотя характеристика, данная Чингисхану далматинским хронистом, выглядит слишком эмоциональной и необъективной, в некоторых частностях он прав. Монгольский властелин на самом деле имел

привычку заглядывать в будущее посредством традиционного монгольского способа гадания на бараньей лопатке, а в особо важных случаях он поднимался на возвышенности и молился Вечному Небу (см. ниже). Разумеется, для христианина, тем более облеченного церковным саном, все это могло означать только обращение к нечистой силе, но остается неизвестным, получил ли Фома Сплитский эту информацию от компетентного информатора или использовал некое клише.

2. *Антихрист*. В середине XIII в. на Западе широко распространился взгляд на монголов как на предвестников конца света. Он находил подтверждение в пророчестве сирийского богослова VII в. Псевдо-Мефодия Патарского, согласно которому перед окончанием времен на волю вырвутся нечистые народы, которые были заперты Александром Македонским за медными воротами, и захватят почти всю землю [Истрин, 1897. С. 5–250]. В «Видении» Псевдо-Мефодия под этими народами имелись в виду арабы («измаильтяне»), но монголы тоже оказались вполне подходящими под это определение, поскольку питались «нечистой» пищей и демонстрировали сильную враждебность по отношению к христианским ценностям.

Эсхатологическая трактовка личности монгольского предводителя дважды запечатлена в «Великой хронике» Матфея Парижского. Она приводится в письме неизвестного венгерского епископа также не названному по имени парижскому епископу, видимо, Гильому III Овернскому. Датировка письма спорна, наиболее вероятно, что оно было составлено в 1239 г. Пожалуй, любой христианин узнал бы в следующем описании почерк Антихриста:

В какую бы землю они (монголы. — Ю. Д.) ни вошли, они уничтожают [все] население земли, кроме младенцев, которым Цингитон, что переводится как «Царь царей», государь их, налагает печать свою раскаленную на лицо их. Печать свою Цингитон доверяет сорока двум советникам [Матузова, 1979. С. 154]<sup>6</sup>.

В одной из самых известных книг Нового Завета — «Откровении Иоанна Богослова» так поступает «зверь»:

И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их (Откр. XIII:16).

Заслуживает внимания, что, при всей невероятности клеймения младенцев, автор письма верно передает значение титула Чингиса.

<sup>6</sup> В. И. Матузова полагает, что из «Великой хроники» это послание попало в анналы Уэйверлейского монастыря [Матузова, 1979. С. 175], однако, как отмечает Р. Хаутала, в анналах оно содержит некоторые подробности, отсутствующие у Матфея Парижского [Хаутала, 2015. С. 402–409].

Матфей Парижский также включил в свой труд послание тюрингенского ландграфа Генриха Распе герцогу Брабантскому (1242), в котором эта информация воспроизводится в сильно приукрашенном виде, написана, по меткому выражению А. Г. Юрченко, «рукою страха», как почти вся европейская историография о монголах той эпохи [Христианский мир, 2002. С. 68].

В меру своих возможностей мы сообщаем вам, что бесчисленные племена, ненавидимые прочими людьми, по необузданной злобе землю с ревом попирая, от востока до самых границ нашего владения подвергли всю землю полному разорению, города, крепости и даже муниципии разрушая, не только христиан, но даже язычников и иудеев, никого не щадя, всех равно без сострадания предавая смерти, за исключением одних лишь младенцев, которым царь их, величаемый Цингитонем, ставит клейма на лбу. Людей они не поедают, но прямо пожирают [Матузова, 1979. С. 154–155].

Венгерский епископ, по его собственным словам, укрыл двух монгольских лазутчиков, захваченных на границе Руси и отправленных к королю Венгрии, и от них он узнал то, о чем сообщает в письме. К сожалению, каких-либо уточнений относительно пленных письмо не содержит. Можно лишь предполагать, что они (или один из них) были из числа несториан и, судя по их согласию сотрудничать с противниками и способности к диалогу<sup>7</sup> (скорее всего, через переводчика-кумана), не принадлежали к собственно монголам, которые, по свидетельствам как европейских, так и мусульманских современников, не сдавались в плен, а будучи схвачены, отказывались от пищи и предпочитали смерть [Савченко, 1919. С. 4]. Библейские, и при этом сугубо негативные нотки в образе монгольского хана могут даже натолкнуть на мысль о неприятии этими людьми ханской власти, ввиду чего они могли быть не шпионами, а перебежчиками.

3. *Добрый властелин*. В редких случаях Чингис предстает скорее как монгольский Робин Гуд, чем как рвущийся к власти беспринципный бандит. Наиболее показателен рассказ историка и государственного деятеля из Киликийской Армении Гетума Патмича (Гайтона) (середина 1240-х — 1310-е гг.). Гетум происходил из Малой Азии и европейцем не был (хотя ему довелось провести несколько лет на Кипре и даже побывать на приеме у папы римского), но его труд «Цветник историй стран Востока» был написан по просьбе папы римского Климента V (1305–1314) в 1307 г. на старофранцузском языке, переведен на латынь и другие европейские языки и пользовался в Европе большой популярностью.

<sup>7</sup> Матфей Парижский характеризует монголов как людей совершенно несговорчивых: «Если кто-нибудь из них попадет в плен, то даже жесточайшими пытками нельзя добиться у него сведений об их планах и намерениях» (цит. по: [Майоров, 2015. С. 79]).

В те времена, когда эти семь племен еще выплачивали своим соседям дань, как о том было поведено выше, случилось так, что один бедный кузнец, носивший имя Чингис, увидел во сне сидящего на белом коне воина в белых латах, который окликнул его по имени и сказал: «Чингис, волею Бессмертного Бога предстоит тебе стать князем и правителем всех семи татарских племен, которых еще иногда называют 'монголы', и под твоим предводительством они освободятся от рабства, длившегося так долго, и сами станут властителями над всеми твоими соседями». Чингис проснулся в великом смятении, вняв этим словам Господа, и поведал всем о том сне, который он видел. Знатные и благородные люди не поверили ему и стали насмехаться над кузнецом. Однако едва лишь ночь опустилась на землю, предводителем семи племен явилась во сне белая лошадь, и каждый из них узрел видение, «как две капли воды» совпадавшее с тем, о чем поведал Чингис. И было приказано им от имени Бога Бессмертного подчиниться власти Чингиса, а также весь народ привести ему в подчинение. После этого семь вышеупомянутых предводителей собрали народ татар и постановили, чтобы все поклонились Чингису и подчинились ему как своему истинному господину. То же вслед за всеми проделали и они сами [Гайтон, 2006. С. 247].

Следует заметить, что сочинение Гетума появилось тогда, когда страсти вокруг монголов улеглись, а правившие в Иране и Закавказье ильханы уже давно были союзниками Европы.

У Марко Поло (1254–1324) Чингис-хан показан как милостивый монарх, к которому охотно стекаются люди:

Случилось, что в 1187 г. татары выбрали себе царя, и звался он по-ихнему Чингисхан, был человек храбрый, умный и удалой; когда, скажу вам, выбрали его в цари, татары со всего света, что были рассеяны по чужим странам, пришли к нему и признали его своим государем. Страною этот Чингисхан правил хорошо. <...> Увидел Чингисхан, что много у него народу, вооружил его луками и иным ихним оружием и пошел воевать чужие страны. Покорили они восемь областей; народу зла не делали, ничего у него не отнимали, а только уводили его с собою покорять других людей. И так-то, как вы слышали, завоевали они множество народу. А народ видит, что правление хорошее, царь милостив, и шел за ним охотно [Книга Марко Поло, 1997. С. 232].

Трудно сказать, всё ли здесь принадлежит самому Марко Поло или что-то домыслил Рустичано, который, как известно, написал книгу со слов Марко Поло в генуэзской тюрьме. Во всяком случае, сказочная оценка Чингис-хана перекликается здесь с оценкой Хубилая, которого Марко Поло должен был знать очень хорошо. Как и книга Гетума, материалы Марко Поло стали известны в Европе сравнительно поздно, когда для большинства европейских стран угроза монгольского вторжения перестала быть актуальной.

Вернемся к посланию анонимного венгерского клирика. Кое-что в нем удивляет точностью, например, приуроченность овладения монголами грамотой

(угадывается намек на уйгурскую письменность) к началу завоевательных походов или слова о безоговорочном подчинении всех «тартареев» своему хану, но проигнорирован факт, что к 1239 г. Чингис-хана уже не было в живых. Само по себе упоминание его как живого не уникально; более того, нам не известно ни одного случая, зафиксированного в европейских сочинениях XIII в., когда сами монголы говорили бы о Чингис-хане как об уже умершем<sup>8</sup>. Напротив, документально подтверждены ссылки на него, как если бы он по-прежнему был жив, что позволяет думать о быстро сложившейся традиции обожествления монголами своего героя. Пожалуй, самый известный и притом бесспорный пример дает письмо хагана Гуюка (1246–1248) папе римскому Иннокентию IV, выдержку из которого приводим здесь:

И еще. Вы послали мне такие слова: «Вы взяли всю область Мажаг (Венгров) и Kiristan (христиан); я удивляюсь. Какая ошибка была в этом, скажите нам?» И эти твои слова мы тоже не поняли. Чингис-хан и Каан (Угэдэй. — Ю. Д.) послали к обоим выслушать приказ бога. Но приказа бога эти люди не послушались [Путешествия, 1997. С. 393].

Действительно, контакты монголов с венграми начались при великом хане Угэдэе (1229–1241), и Чингис-хан никак не мог в них участвовать.

Некий Петр, архиепископ из Руси, бежал от монгольских притеснений в Европу, где был спрошен о монголах сначала в Милане (1244), а потом в Лионе на большом церковном соборе (1245). Современные исследователи обращают внимание на сходство структуры вопроса, на который отвечал Петр, и отчета Платона Карпини: то и другое включает по девять пунктов, что представляется не случайным совпадением [Христианский мир, 2002. С. 44–45; Анти Селарт, 2011. С. 112]. Сведения Петра подтверждают монгольскую практику деификации Чингис-хана и наделения его бессмертием:

Когда его спросили о вероисповедании [их], он ответил, что они веруют в единого владыку мира, и когда отправили посольство к рутенам, поручили [сказать] такие слова: «Бог и сын его — на небе, Чиархан — на земле» [Матусова, 1979. С. 152, 181].

В данном случае авторство ультиматума рутенам, т. е. русским, следует отнести на счет Угэдэя. Точно эту же максиму несколькими годами позже выразил Гуюк в письме своему нойону Байджу, копия кото-

рого была передана миссии Асцелина, посланной папой Иннокентием IV к монголам на Ближний Восток:

Такова копия послания Хана нойону Байоту, которое сами тартары называют посланием Бога. По повелению Бога живого, Чингис-хан, возлюбленный и почитаемый сын Бога, говорит: как Бог, вознесенный надо всем, есть бессмертный Бог, так на земле лишь один господин — Чингис-хан (цит. по: [Юрченко, 2006. С. 111]).

Глядя на это и аналогичные заявления Гуюка, нельзя отделаться от ощущения, что это был волевой и целеустремленный человек — совсем не такой, каким его изображали недруги. Если бы не преждевременная смерть, явно связанная с его попыткой подчинить Бату, Гуюк, возможно, смог бы организовать новое, еще более масштабное и кровавое вторжение в Европу, чем имело место в 1241–1242 гг. Его преемник Мункэ (1251–1259) перенес внимание в Китай и на Ближний Восток, и европейское пограничье осталось на милости ханов Улуса Джучи, позже известного как Золотая орда. Впрочем, смена приоритетов не отразилась на представлении Мункэ своего деда на международной арене как по-прежнему живого. Грамота на имя Людовика IX, переданная через Рубрука и записанная последним также через толмача, начинается словами:

Существует заповедь вечного Бога: на небе есть один только вечный Бог, над землей есть только единый владыка Чингисхан, сын Божий... [Гильом де Рубрук, 1997. С. 175].

Запад не имел никаких оснований обожествлять Чингис-хана и расценивать его подвиги как знак дарованной ему Божьей милости, но мог познакомиться с легендами, в которых описывался сакральный процесс наделения его властью над всем миром. В одной из них, рассказанной Гетумом и процитированной выше, власть Чингису дарует таинственный всадник. В другой, услышанной от монгольского посольства в лагере французского короля Людовика IX в 1248 г. на Кипре, где он пребывал перед началом неудачного Седьмого крестового похода, правитель подчинившегося Чингису народа имел аудиенцию у «Владыки неба и земли», который приказал передать монгольскому вождю, что ему даровано могущество для подчинения всей земли [Жуанвиль, 2007. С. 114–115]. Далеко не случайно, что обе легенды проникли в Европу с Ближнего Востока, где циркулировали разные варианты историй о явлении Чингису небесных посланцев в разнообразных благовещах обличьях: всадника на белом коне (напомним, что белый цвет в монгольской культуре сакрален), золотого орла и даже самого Иисуса Христа. П. Джексон уверен, что история о встрече Чингиса с небесным обладателем белого коня является не чем иным, как несторианской обработкой легенды о монгольском шамане Тэб-Тэнгри, передавшем Чингису Небесный мандат

<sup>8</sup> Сообщение брата Юлиана о смерти Гургутама основывается на сведениях, собранных им на русской территории до прихода монголов. Кроме того, высказываются предположения, что здесь под именем Гургутама мог скрываться не только Чингис-хан, но и его сын Джочи, умерший в 1227 г. [Хаутала, 2015. С. 394]. Разумеется, не могли не знать о смерти Чингис-хана Платон Карпини и Рубрук, но эту информацию до них донесли, вероятнее всего, не сами монголы.



[Jackson, 2014. С. 101–102], и мы присоединяемся к его мнению.

В этой связи необходимо подчеркнуть значительную роль восточных христиан в качестве передатчиков легенд о Чингис-хане на Запад. По-видимому, до конца 1240-х гг. в Европе эти легенды были едва ли известны, как и само прозвание основателя Монгольской империи. Его детское имя Тэмучжин сообщает только доминиканский миссионер Рикольдо де Монте Кроче (ок. 1243–1320), много лет проведенный во владениях ильханов [Рикольдо де Монте Кроче, 2006. С. 159–160]. Донесения францисканцев и доминиканцев придали Чингис-хану человеческий облик; по их сведениям, он сам домогался власти и получил ее с Божьего позволения (но не благословения, как на Востоке!). Мы можем осторожно предположить, что среди сирийских, грузинских, армянских христиан подобные легенды находили вынужденное понимание, — все-таки монголы вплоть до 1260 г. не знали крупных поражений, а это вряд ли было возможно без Божественного покровительства. Кроме того, монголы покончили с халифатом, причем при содействии воинских контингентов Грузинского царства, и в первые десятилетия своего господства радикально ослабили мусульманское давление на христианские общины Ближнего Востока и Закавказья.

Монгольская экспансия сопровождалась приемом, который сейчас назвали бы информационной войной. Будучи уверены в небесной поддержке и считая «Золотой род» Чингиса правящим с соизволения Вечного Неба, монголы охотно делились этими убеждениями с другими народами, тем самым подавляя у своих противников волю к сопротивлению. Этот аспект заслуживает отдельного обсуждения, а здесь, развивая мысль об обожевлении монголами Чингис-хана, мы затронем такое приписывавшееся ему качество, как дар предвидения. Винсент из Бове написал историю, якобы произошедшую во время нападения монголов на Венгрию. В критический момент Бату воодушевляет своих воинов, ссылаясь на пророчество Чингис-хана:

И если бы венгры не обратились в бегство, но мужественно сопротивлялись, то татары бы вышли разбитые из их пределов, ибо такой страх напал на татар, что они попытались бежать как один. Но Батый, обнажив меч пред лицом их, воспротивился им, говоря: «Не бегите, ибо, если вы побежите, никто не ускользнет от смерти, и, поскольку нам всем умирать, лучше умрем все вместе. Тогда сбудется то, что предсказывал нам царь Чингисхан, а именно, что мы должны быть убиты; и если ныне пришло время для этого, то потерпим». Таким образом, они воодушевились, остались и разорили часть Венгрии [Винсент из Бове, 2006. С. 116].

Очень маловероятно, что Чингис-хан каким-то образом рассчитывал на подобный финал военных кампаний в Европе, о которой он, скорее всего, имел весьма нечеткое представление и, более того, едва ли планировал ее покорять. Вместе с тем подобные

слухи могли основываться на широко репродуцируемой информации о прямой коммуникации Чингис-хана с Небом, которое открывало ему тайны будущего. Рашид ад-Дин приводит пример того, как накануне выступления в поход против Хорезма Чингис-хан, поднявшись на возвышенность — поближе к Небу, исповедовался в том, что не он затеял вражду с хорезмшахом, и молил о помощи. После трех дней слезных молитв он, очевидно, получил благоприятный ответ: «Он почувствовал в себе признаки знамения благовестия и бодрый и радостный спустился оттуда вниз, твердо решившись привести в порядок все необходимое для войны» [Рашид ад-Дин, 1952. С. 189]. Кроме того, китайские, персидские и европейские источники [Гильом де Рубрук, 1997. С. 145] говорят о склонности Чингис-хана и Мункэ к гаданиям на бараньей лопатке, без чего они якобы не начинали никакого дела.

Чингис-хан прославился в Европе не только как завоеватель, но и как законодатель. Действительно, есть весомые основания думать, что некоторые изречения и указы Чингис-хана со временем приобрели в Монгольской империи силу закона, а вследствие заложенного в империи принципа универсализма они вышли буквально на вселенский уровень. Поэтому сборник этих указов, а также, возможно, и продуктов правотворчества советников великого хана, прежде всего киданя Елюй Чуцая (1189–1243), получивший название «Великая Яса», не мог не приобрести широкую известность, а в некоторых странах он продолжал оставаться «основным законом» спустя века после смерти своего создателя. Некоторые положения Ясы нашли отражение и в европейских источниках, но не всегда удается установить, насколько глубоко они подверглись переосмыслению. Для исследователей эталоном традиционно служат тексты арабских и персидских историков Макризи, Джувейни, Рашид ад-Дина, Вассафа, Ибн Баттуты, а также сирийца Бар Эбройю (Абу-л Фараджа), независимо от Джувейни, и армянских авторов<sup>9</sup>, однако, они не передают Ясу в полном объеме, ввиду чего существует теоретическая вероятность обнаружить в каком-либо европейском сочинении подлинный статут Ясы, не сохранившийся в восточных источниках.

Отчет Плато Карпини содержит три постановления, приписываемых францисканцем непосредственно Чингис-хану, причем два из них неизвестны из других произведений, написанных на восточных языках:

И отсюда он вернулся в свою землю; там он издал многочисленные законы и постановления, которые Татары нерушимо соблюдают; из них мы упомянем только про два. Одно постановление такое, что всякого, кто, превозносясь в гордости, пожелает быть императором собственною властью без избрания кня-

<sup>9</sup> Сюда же можно добавить и византийского историка Георгия Пахимера (1242 — ок. 1310), в труде которого излагаются некоторые законы, утвержденные Чингис-ханом [Георгий Пахимер, 1862. С. 317–319].

зей, должно убивать без малейшего сожаления. Отсюда, до избрания настоящего Куйюк-кана, из-за этого был убит один из князей, внук Чингис-кана<sup>10</sup>, ибо он хотел царствовать без избрания. Другое постановление — такое, что они должны подчинить себе всю землю и не должны иметь мира ни с каким народом, если прежде не будет им оказано подчинения... Он установил также, что их войско должно быть разделено под начальством тысячников, сотников, десятников и тьмы (то есть десять тысяч). Он установил также и многое другое, рассказывать о чем было бы долго, да к тому же мы и не знаем [всего] [Плано Карпини, 1997. С. 48].

Винсент из Бове воспроизвел эти сведения, но за узурпацию великоханского престола у него вместо Чингисова внука оказывается казненным сам Гуюк [Винсент из Бове, 2006. С. 89, 102].

Большой интерес представляет приказ Чингис-хана о подчинении всей земли. Отдавал ли его Чингис в действительности — вопрос спорный и заслуживающий специального внимания. Мы склоняемся к тому, что такая цель была сформулирована на курултае в 1235 г. при хагане Угэдэе. На чем базируется утверждение Плано Карпини, неизвестно. По-видимому, папский легат просто передает мифологему, сложившуюся к тому времени в монгольском обществе: все крупнейшие достижения, как и цели на будущее, приписывались основателю империи.

Активный поборник военного союза с монголами Гетум Патмич приводит три указа Чингис-хана, один из которых аналогичен тому, который есть у Плано Карпини:

После того как Чингисхан с всеобщего и единодушного согласия татар стал императором, он решил посмотреть и проверить, насколько этот народ ему подчиняется. И тогда он изрек три приказания, которым все должны были следовать беспрекословно. Первое приказание состояло в том, что все как один обязаны почитать Бога Бессмертного, волею которого Чингис стал императором. И этой заповеди татары с тех пор неукоснительно следуют и славят имя Бога Бессмертного, почитают его превыше всех прочих богов и в любом своем начинании призывают имя Его. Второе приказание состояло в том, чтобы были сосчитаны все мужчины, способные носить оружие, а когда подсчет был закончен, над каждым десятком был поставлен один (начальствующим), и над каждой сотней воинов — один, и над каждой тысячей — один, и над каждым десятком тысячами — один, и нарек он десятидесятное войско туменом. <...> Третье приказание, отданное Чингисом, было наиболее жестоким. Он повелел, чтобы каждый из семи правителей привел с собою своего первородного сына и своими собственными руками отрубил ему голову. И хотя этот приказ был бесчеловечным и жестоким, но поскольку они опасались народа, а также доподлинно знали, что Чингис стал императором согласно воле Божьей, то

ни один предводитель не посмел ослушаться этого приказа, и каждый из них своими руками отсек собственному сыну голову. Так Чингисхан испытал волю своего народа и увидел, что эти люди будут преданы ему не на жизнь, а на смерть, и посему назначил определенный день, в который они должны были прибыть к нему конно и в полном вооружении, чтобы отправиться в поход вместе с ним [Гайтон, 2006. С. 250–251].

Первые два приказания напоминают установления Великой Ясы (параллели см. у Джувейни и Макризи) и, судя по всему, армянский автор несколько произвольно интерпретирует именно их. Третий приказ, несомненно, вымышлен<sup>11</sup>, хотя мотив «проверки на верность» как таковой не отличается оригинальностью. Вспоминается легенда об аналогичной проверке, якобы устроенной хуннским Модэ-шаньюем (209–174 до н. э.) своим соратником, в результате которой они без колебаний выпустили стрелы в его отца Тоуманя и тем самым расчистили Модэ дорогу к власти [Сыма Цянь, 2002. С. 327–328].

В заключение кратко рассмотрим один сюжет, не имеющий прямого отношения к образу Чингис-хана в Европе, но привлекающий своей уникальностью и описанный европейцем. Рубрук — единственный, кто говорит о пленении Чингис-хана тангутами:

За ними (уйгурами. — Ю. Д.) к востоку, среди упомянутых гор, живут тангуты, очень храбрые люди, которые пленили на войне самого Чингиса; по заключении мира он был ими отпущен, а впоследствии покорил их [Гильом де Рубрук, 1997. С. 127].

Фактических данных, которые полностью исключали бы вероятность этого события, нет, как не найдено и никаких подтверждений. Очень может быть, что, если бы монгольский владыка побывал в тангутском плену и купил свободу ценой каких-то уступок, то сведения об этом имели бы мало шансов сохраниться в источниках, созданных на территории Монгольской империи и производных от них (таких как «Юань ши»), как бросающие тень на деифицированную фигуру великого вождя. Тангуты на монголов не ходили, а монгольские войска вторгались в тангутское государство Си Ся четырежды: в 1205, 1207, 1209 и 1226 гг. Первое нападение было осуществлено под руководством не Чингис-хана, а перешедшего на его сторону киданя Елюй Ахая (ок. 1150 — ок. 1222) [Dunneil, 1992. С. 164–165; Храпачевский, 2005. С. 216–218]<sup>12</sup>, третье закончилось убедительной победой монголов (тангуты признали свою зависимость и согласились на выплату дани, Чингис-хан получил в жены императорскую дочь), а четвертое положило тангутскому государству конец [Кычанов, 2008. С. 637–651]. Таким образом, поиски

<sup>10</sup> В аналогичном пассаже у Ц. де Бридиа — его племянник [Христианский мир, 2002. С. 117]. Скорее всего, речь идет о младшем брате Чингис-хана — Тэмугэ-отчигине, казненном в 1246 г.

<sup>11</sup> Это не помешало, конечно, воспроизведению его в трудах европейских историков Средневековья; см., например: [Виллани, 1997. С. 124].

<sup>12</sup> Впрочем, твердой уверенности в этом нет [In the Service of the Khan, 1993. С. 114].

сужаются до второй тангутской кампании, в ходе которой, несмотря на некоторый успех, монголы были блокированы в приграничных районах, где до весны 1208 г. занимались грабежом, а затем ушли. Если факт пленения Чингиса имел место, то это, скорее всего, должно было произойти в 1207–1208 гг. Имеющиеся немногочисленные попытки ученых пролить свет на сообщение Рубрука либо ограничиваются констатацией отсутствия в источниках данных, которые бы его подтверждали, либо несостоятельны. На данный момент наиболее обоснованной представляется версия немецкого историка Фридриха Риша, увидевшая свет еще в 1934 г. По мнению ученого, Рубрук перепутал на слух тангутов с тайчиютами, у которых действительно юный Тэмучжин находился некоторое время в колодке [Wilhelm von Rubruk, 1934. С. 164].

В отличие от ареалов христианства в Закавказье, Малой Азии и на Ближнем Востоке, попавших в XIII в. под власть монголов или в зависимость от них (Грузинское царство, Сирия, Киликийская Армения, Трапезундская империя), в Европе образ Чингис-хана долгое время оставался негативным или, если быть более точными, европейские авторы могли открыто выражать свое мнение о «кровавом тиране». Принятию монгольских ценностей, на вершине которых находился обожествленный Чингис-хан, препятствовал, помимо прочего, ярко выраженный евроцентризм, осознание европейцами самих себя как общности, находящейся под Божьим благоволением. Укреплению этих взглядов немало поспособствовала

подготовка к Пятому крестовому походу, когда усилиями папы римского Иннокентия III (1198–1216) удалось добиться повышения морального уровня и сплочения католического общества, прекращения внутренних конфликтов, мобилизации интернациональной команды крестоносцев на решение высшей цели — освобождения Гроба Господня из рук «неверных». Несмотря на распри, разгоревшиеся в Европе уже после окончания крестового похода, к моменту появления на восточных границах монголов латинский мир, прочно стоявший на базе греко-римской цивилизации, четко противопоставлял себя внешнему миру «сарацин», «схизматиков» и «язычников», подчинение которым никоим образом не могло рассматриваться всерьез. В драматические 1240-е гг. Европа активно не приняла монголов как политическую силу, но нащупывала возможности их эвангелизации.

Менее чем за сто лет образ Чингис-хана претерпел трансформацию от христианского царя до разбойника и даже Антихриста, но в конце концов он превратился в мудрого, успешного лидера. Видимо, немалую роль сыграл в этом ближневосточный канал информации, так как контакты Запада с правителями Ильханата были гораздо более дружественными, чем с ханами Улуса Джучи. Тенденция к постепенному «осветлению» образа Чингис-хана прослеживается и на примере русских источников, вообще весьма немногословных в том, что касается Чингис-хана и ранней истории созданной им империи [Астайкин, Дробышев, 2020].

### Использованная литература

- Анти Селарт, 2011: *Анти Селарт*. Архиепископ Петр и Лионский собор 1245 года // *Rossica Antiqua*. 2011. № 1/3. С. 100–113.
- Anti Selart*. Arhiepiskop Petr i Lionskij sobor 1245 goda // *Rossica Antiqua*. 2011. № 1/3. S. 100–113.
- Anti Selart*. Archbishop Peter and the Council of Lyon in 1245 // *Rossica Antiqua*. 2011. № 1/3. P. 100–113.
- Астайкин, Дробышев, 2020: *Астайкин А. А., Дробышев Ю. И.* Упоминания Чингисхана в русских летописях // *Восток (Oriens)*. 2020. Вып. 4. С. 49–59.
- Astajkin A. A., Drobyshev Yu. I.* Upominaniya Chingiskhana v russkikh letopisyah // *Vostok (Oriens)*. 2020. Vypusk 4. S. 49–59.
- Astajkin A. A., Drobyshev Yu. I.* References to Genghis Khan in Russian Chronicles // *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 4. P. 49–59.
- Виллани, 1997: *Виллани Дж.* Новая хроника, или История Флоренции / пер. М. А. Юсима. М.: Наука, 1997. 551 с.
- Villani Dzh.* Novaya hronika, ili Istoriya Florencii / per. M. A. Yusima. M.: Nauka, 1997. 551 s.
- Villani J.* New chronicle, or The history of Florence / transl. by M. A. Yusim. Moscow: Nauka, 1997. 551 p.
- Винсент из Бове, 2006: *Винсент из Бове*. Историческое зеркало // *Книга странствий* / пер. Н. Горелова. СПб.: Азбука-классика, 2006. С. 79–116.
- Vinsent iz Bove*. Istoricheskoe zercalo // *Kniga stranstvij* / per. N. Gorelova. SPb.: Azbuka-klassika, 2006. S. 79–116.
- Vincent of Beauvais*. Mirror of History // *The book of travels* / transl. by N. Gorelov. Saint Petersburg: Azbuka-klassika, 2006. P. 79–116.
- Гайтон, 2006: *Гайтон*. Цветник историй земель Востока // *Книга странствий* / пер. Н. Горелова. СПб.: Азбука-классика, 2006. С. 211–274.
- Gajton*. Cvetnik istorij zemel' Vostoka // *Kniga stranstvij* / per. N. Gorelova. SPb.: Azbuka-klassika, 2006. S. 211–274.
- Hayton*. Flower garden of stories of the lands of the East // *The book of travels* / transl. by N. Gorelov. Saint Petersburg: Azbuka-klassika, 2006. P. 211–274.
- Георгий Пахимер, 1862: *Георгия Пахимера* история о Михаиле и Андронике Палеологах // *Византийские истории, переведенные с греческого при С.-Петербургской духовной академии*. Т. I. СПб.: Типогр. Департамента уделов, 1862. 526 с.
- Georgiya Pahimera* istoriya o Mihaile i Andronike Paleologah // *Vizantijskie istoriki, perevedennye s grecheskogo pri S.-Peterburgskoj duhovnoj akademii*. T. I. SPb.: Tipogr. Departamenta udelov, 1862. 526 s.
- George Pachymeres* 'History of Michael and Andronikos Palaiologos. Byzantine Historians Translated from Greek at

the St. Petersburg Theological Academy. Vol. I. Saint-Petersburg: Typography of Department of Appanages, 1862. 526 p.

Гильом де Рубрук, 1997: *Гильом де Рубрук*. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 86–189.

*Gil'om de Rubruk*. Puteshestvie v vostochnye strany // Puteshestviya v vostochnye strany. M.: Mysl', 1997. S. 86–189.

*Guillaume de Rubruk*. Journey to the Eastern Countries // Travels to the Eastern Countries. Moscow: Mysl', 1997. P. 86–189.

Жуанвиль, 2007: *Жуанвиль Ж. де*. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / пер. Г. Ф. Цыбулько. СПб.: Евразия, 2007. 400 с.

*Zhuanvil' Zh. de*. Kniga blagochestivyh rechenij i dobryh deyanij nashego svyatogo korolya Lyudovika / per. G. F. Cybul'ko. SPb.: Evraziya, 2007. 400 s.

*Joinville J. de*. The book of pious speeches and good deeds of our Holy king Louis / transl. by. G. F. Tsybulko. Saint Petersburg: Evraziya, 2007. 400 p.

Ибн Арабшах, 2009: *Ибн Арабшах*. История Амира Темура / пер. Х. Н. Бабабекова. Ташкент: Ин-т истории народов Средней Азии им. Махпират, 2009. 260 с.

*Ibn Arabshah*. Istoriya Amira Temura / per. H. N. Bababekova. Tashkent: In-t istorii narodov Srednej Azii im. Mahpirat, 2009. 260 s.

*Ibn Arabshah*. The History of Amir Temur / transl. by Kh. N. Bababekov. Tashkent: Institute of history of Central Asian peoples Mahpirat, 2009. 260 p.

Истрин, 1897: *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. М.: Университетская типография, 1897. 329+208 с.

*Istrin V. M.* Otkrovenie Mefodiya Patarskogo i apokrificheskie videniya Daniila v vizantijskoj i slavyano-russkoj literaturah. M.: Universitetskaya tipografiya, 1897. 329+208 s.

*Istrin V. M.* The Revelation of Methodius of Patara and the apocryphal visions of Daniel in the Byzantine and Slavonic-Russian literatures. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1897. 329+208 p.

Клавиho, 1990: *Руи Гонсалес де Клавиho*. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / пер. И. С. Мироковой. М.: Наука, 1990. 211 с.

*Rui Gonzales de Klavijo*. Dnevnik puteshestviya v Samarkand ko dvoru Timura (1403–1406) / per. I. S. Mirokovej. M.: Nauka, 1990. 211 s.

*Rui Gonzales de Clavijo*. Diary of a journey to Samarkand to the court of Timur (1403–1406) / transl. by I. S. Mirokova. Moscow: Nauka, 1990. 211 p.

Книга Марко Поло, 1997: Книга Марко Поло // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 190–380.

*Kniga Marko Polo* // Puteshestviya v vostochnye strany. M.: Mysl', 1997. S. 190–380.

The Book of Marco Polo // Travels to the Eastern Countries. Moscow: Mysl', 1997. P. 190–380.

Кычанов, 1995: *Кычанов Е. И.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М.: Восточная литература, 1995. 272 с.

*Kychanov E. I.* Zhizn' Temuchzhina, dumavshego pokorit' mir. M.: Vostochnaya literatura, 1995. 272 s.

*Kychanov E. I.* The life of Temujin, who thought to conquer the world. Moscow: Vostochnaya literatura, 1995. 272 p.

Кычанов, 2008: *Кычанов Е. И.* История тангутского государства. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 767 с.

*Kychanov E. I.* Istoriya tangut'skogo gosudarstva. SPb.: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 2008. 767 s.

*Kychanov E. I.* The history of the Tangut state. Saint Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 2008. 767 p.

Майоров, 2015: *Майоров А. В.* Завершающий этап западного похода монголов: военная сила и тайная дипломатия // Золотоордынское обозрение. 2015. № 1. С. 68–94.

*Majorov A. V.* Zavershayushchij etap zapadnogo pohoda mongolov: voennaya sila i tajnaya diplo-matiya // Zolotoordynskoe obozrenie. 2015. № 1. S. 68–94.

*Mayorov V. A.* The final phase of the Western campaign of the Mongols: military force and secret diplomacy // The Golden Horde review. 2015. № 1. P. 68–94.

Матузова, 1979: *Матузова В. И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1979. 268 с.

*Matuzova V. I.* Anglijskie srednekovye istochniki IX–XIII vv. Teksty, perevod, kommentarij. M.: Nauka, 1979. 268 s.

*Matuzova V. I.* English Medieval Sources of the IX–XIII centuries. Texts, Translation, Commentary. Moscow: Nauka, 1979. 268 p.

Мэн-да бэй-лу, 1975: Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар) / пер. Н. Ц. Мункуева. М.: Наука, 1975. 288 с.

*Men-da bej-lu* (Polnoe opisanie mongolo-tatar) / per. N. C. Munkueva. M.: Nauka, 1975. 288 s.

*Men-da bei-lu* (Full description of the Mongol-Tatars) / transl. by N. Ts. Munkuev. Moscow: Nauka, 1975. 288 p.

Пиков, 2011: *Пиков Г. Г.* Европейцы XIII века о монгольской империи и Чингисхане // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2011. № 2 (19). С. 73–76.

*Pikov G. G.* Evropejcy XIII veka o mongol'skoj imperii i Chingiskhane // Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana). 2011. № 2 (19). S. 73–76.

*Pikov G. G.* Europeans of the XIII century about the Mongol Empire and Genghis Khan // Society. Environment. Development (Terra Humana). 2011. № 2 (19). P. 73–76.

Плано Карпини, 1997: *Плано Карпини*. История монголов // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 29–85.

*Plano Carpini*. Istoriya mongalov // Puteshestviya v vostochnye strany. M.: Mysl', 1997. S. 29–85.

*Plano Carpini*. History of Mongols // Travels to the Eastern Countries. Moscow: Mysl', 1997. P. 29–85.

Путешествия, 1997: Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. 460 с.

*Puteshestviya v vostochnye strany*. M.: Mysl', 1997. 460 s.

Travels to the Eastern Countries. Moscow: Mysl', 1997. 460 p.

Рашид ад-Дин, 1952: *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. I, кн. 2 / пер. О. И. Смирновой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 316 с.

*Rashid ad-Din*. Sbornik letopisej. T. I. Kn. 2 / per. O. I. Smimovoj. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. 316 s.

*Rashid al-Din*. Collection of Chronicles. Vol. I. Book 2 / transl. by O. I. Smirnova. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1952. 316 p.

Рикольдо де Монте Кроче, 2006: *Рикольдо де Монте Кроче*. Путешествие по Святой земле // Книга странствий / пер. Н. Горелова. СПб.: Азбука-классика, 2006. С. 139–200.

*Rikol'do de Monte Kroche*. Puteshestvie po Svyatoj zemle // Kniga stranstvij / per. N. Gorelova. SPb.: Azbuka-klasika, 2006. S. 139–200.

*Ricoldo de Monte Croce*. Journey through the Holy land // The book of travels / transl. by N. Gorelov. Saint Petersburg: Azbuka-klassika, 2006. P. 139–200.

Савченко, 1919: *Савченко С. В.* Письмо магистра тамплиеров к Людовику Св. о вторжении татар в Западную Европу // Киевские университетские известия. 1919. № 1–4. С. 1–4.

*Savchenko S. V.* Pis'mo magistra tamplierov k Lyudoviku Sv. o vtorzhenii tatar v Zapadnuyu Evropu // Kievskie universitetskie izvestiya. 1919. № 1–4. S. 1–4.

*Savchenko S. V.* Letter of the Templar master to St. Louis about the invasion of the Tatars into Western Europe // Kiev University newsletter. 1919. № 1–4. P. 1–4.

Сыма Цянь, 2002: *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Т. VIII / пер. Р. В. Вяткина и А. М. Карапетьянца. М.: Восточная литература, 2002. 512 с.

*Syua Cyan'*. Istoricheskie zapiski (Shi czi). T. VIII / per. R. V. Vyatkina i A. M. Karapet'yanca. M.: Vostochnaya literatura, 2002. 512 s.

*Ssu-ma Ch'ien*. Historical Records (Shi chi). Vol. VIII / transl. by R. V. Vyatkin and A. M. Karapet'yantz. Moscow: Vostochnaya literatura, 2002. 512 p.

Фома Сплитский, 1997: *Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита / пер. О. А. Акимовой. М.: Индрик, 1997. 320 с.

*Foma Splitskij*. Istorija arhiepiskopov Salony i Splita / per. O. A. Akimovoj. M.: Indrik, 1997. 320 s.

*Thomas of Spalato*. The history of archbishops of Salona and Spalato / transl. by O. A. Akimova. Moscow: Indrik, 1997. 320 p.

Хаутала, 2014а: *Хаутала Р.* История деяний Давида, царя Индий (1221): латинский текст, перевод и комментарии // Золотоордынское обозрение. 2014. № 4. С. 25–49.

*Hautala R.* Istorija deyanij Davida, carya Indij (1221): latinskij tekst, perevod i komentarii // Zolotoordynskoe obozrenie. 2014. № 4. S. 25–49.

*Hautala R.* History of the deeds of David, king of the Indies (1221): Latin text, Russian translation, and commentary // The Golden Horde review. 2014. № 4. P. 25–49.

Хаутала, 2014б: *Хаутала Р.* Монгольская экспансия и Пятый крестовый поход в латинских источниках 1221 года // Східний світ. Київ, 2014. № 4. С. 110–122.

*Hautala R.* Mongol'skaya ekspansiya i Pyatyj krestovyj pohod v latinskih istochnikah 1221 goda // Skhidnij svit. Kiiv, 2014. № 4. S. 110–122.

*Hautala R.* The Mongol Expansion and Fifth Crusade according to the Latin Sources of 1221 // Schidniy svit. Kiev, 2014. № 4. P. 110–122.

Хаутала, 2015: *Хаутала Р.* От «Давида, царя Индий» до «Ненавистного плебса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 496 с.

*Hautala R.* Ot «Davida, carya Indij» do «Nenavistnogo plebsa satany». Antologiya rannih latinskih svedenij o tataromongolah. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2015. 496 s.

*Hautala R.* From “David, king of India” to “Hated Plebs of Satan”. Anthology of Early Latin Information about the Tatar-Mongols. Kazan: Institut Istorii Akademii Nauk Respubliki Tatarstan, 2015. 496 p.

Храпачевский, 2005: *Храпачевский Р. П.* Военная держава Чингисхана. М.: АСТ, 2005. 557 с.

*Hrapachevskij R. P.* Voennaya derzhava Chingiskhana. M.: AST, 2005. 557 s.

*Khrapachevsky R. P.* Military empire of Genghis Khan. Moscow: AST, 2005. 557 p.

Христианский мир, 2002: Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. «История Тартар» брата Ц. де Бридиа / критич. текст, пер. С. В. Аксенова и А. Г. Юрченко; экспозиция, исслед. и указ. А. Г. Юрченко. СПб.: Евразия, 2002. 478 с.

Hristianskij mir i «Velikaya Mongol'skaya imperiya». Materialy franciskanskoj missii 1245 goda. «Istorija Tartar» brata C. de Bridia / Kritich. tekst, per. S. V. Aksenova i A. G. Yurchenko; Ekspoziciya, issled. i ukaz. A. G. Yurchenko. SPb.: Evraziya, 2002. 478 s.

The Christian world and the “Great Mongolian Empire”. Materials of the Franciscan mission of 1245. “History of Tartars” by brother C. de Bridia / Critical text, transl. by S. V. Aksenov and A. G. Yurchenko; Exposure, research and index by A. G. Yurchenko. Saint Petersburg: Evraziya, 2002. 478 p.

Юрченко, 2006: *Юрченко А. Г.* Историческая география политического мира. Образ Чингис-хана в мировой литературе XIII–XV вв. СПб.: Евразия, 2006. 640 с.

*Yurchenko A. G.* Istoricheskaya geografiya politicheskogo mira. Obraz Chingis-hana v mirovoj literature XIII–XV vv. SPb.: Evraziya, 2006. 640 s.

*Yurchenko A. G.* Historical Geography of Political Myth. The Image of Genghis Khan in the World Literature of XIII–XIV centuries. Saint-Petersburg: Evraziya, 2006. 640 p.

Dunnell, 1992: *Dunnell R.* The Fall of the Xia Empire: Sino-Steppe Relations in the Late 12th–Early 13th Centuries // Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery. Vol. 2. Los Angeles: University of Southern California, 1992. P. 158–185.

In the Service of the Khan, 1993: In the Service of the Khan: Eminent Personalities of the Early Mongol-Yüan Period (1200–1300) / ed. by Igor de Rachewiltz, Hok-Lam Chan, Hsiao Ch'i-ch'ing, Peter W. Geier. Wiesbaden: Harrassowitz, 1993. XLIV+808 p.

Jackson, 2014: *Jackson P.* The Mongols and the West 1221–1410. London; New York: Routledge, 2014. XXXIV+414 p.

Klopprogge, 1993: *Klopprogge A.* Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolen-bildes im 13. Jahrhundert: ein Versuch zur Ideengeschichte des Mittelalters. Wiesbaden: Harrassowitz, 1993. 227 s.

Munkh-Erdene, 2011: *Munkh-Erdene L.* Where Did the Mongol Empire Come From? Medieval Mongol Ideas of People, State and Empire // *Inner Asia*. 2011. Vol. 13, no. 2. P. 211–237.

Munkh-Erdene, 2018: *Munkh-Erdene L.* The Rise of the Chinggisid Dynasty: Pre-Modern Eurasian Political Order and Culture at a Glance // *International Journal of Asian Studies*. 2018. Vol. 15, no. 1. P. 39–84.

Ostrowski, 1990: *Ostrowski D.* Second-Redaction Additions in Carpini's *Ystoria Mongalorum* // *Harvard Ukrainian Studies*. 1990. Vol. 14, no. 3/4. P. 522–550.

Tabakat-i-Nasiri, 1899: *Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, including Hindustan; from A. H. 194 (810 A. D.) to A. H. 658 (1260 A. D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam / transl. by H. J. Raverty.* Vol. II. London: Asiatic Society of Bengal, 1899. 879 p.

Wilhelm von Rubruk, 1934: *Wilhelm von Rubruk, Reise zu den Mongolen, 1253–1255 / übersetzt und erläutert F. Risch.* Leipzig: A. Deichert'sche Verlagsbuchhandlung D. Werner Scholl, 1934. VI+336 s.

### Yuliy I. Drobyshev The image of Genghis Khan in medieval European sources

The article discusses reflection of Genghis Khan' image in medieval European sources: official and private correspondence, reports of missions, and historical writings. Apparently, none of the Europeans could see Genghis Khan, so all the information about him was obtained second-hand. His image was transformed in the minds of Westerners: before the Mongols appeared in Europe, he was represented as a Christian king of India; in the middle of the XIII century — as a robber and even the Antichrist; and at the boundary of the XIII and XIV centuries he turned into a wise, successful leader. Genghis Khan was also known to Europeans as a prophet and legislator. Legends about transfer to him a power over all peoples by heavenly messengers have also reached Europe. In general, European medieval historiography brings us a negative image of this man.

**Key words:** Genghis Khan, Europe, sources.

**Yuliy I. Drobyshev** — Ph.D. (History), Senior Researcher, Department of History of the Orient, Institute of Oriental Studies RAS (12, Rozhdestvenka st., Moscow, 107031, Russia).  
altanus@mail.ru